

Владимир Каткевич

Моточистка

«Не говори гоп, пока не переехал Чоп».
(Из заветов второго механика Бурмилы)

Машинная команда живет по графику, от моточистки до моточистки.

Расписание круизов планируется с расчетом обеспечить каждые два месяца двухсуточный перестой. Чтобы прошуровать хотя бы один цилиндр. К ревизии подгадывают смену вахт, кому-то осточертела «собака», собачья вахта, с нуля до четырех, а другой не хочет на нее переходить. Еще пауза создается для смены пассажиров. Два аэробуса доставят 750 пассажиров – это паспортная загрузка парохода после реконструкции.

К моточистке машинная готовится тщательно и заранее. Как к операции на открытом сердце. Или «окну» на железной дороге. Сроки хирургического вмешательства, надо полагать, размыты, искусственное сердце знай себе качает, легкие вентилируют что надо, а финал моточистки жестко стреноживает.

Если силовую установку не пустят к отходу, пароход опоздает в следующий порт, и по принципу домино рухнет программа мероприятий сразу в нескольких странах. Как правило, «экзотически-небогатых», если использовать фигуры речи помполита Тупикова. С властями согласованы чудеса и аттракционы.

Моточистка – это всегда риск и посеребренные виски у стармехов.

При мокром извозе и двух суток не выкроить. На все про все. Главный двигатель – сооружение размером с четырехэтажный дом, в котором зажаты двадцать две тысячи лошадок. Табун

должен поостыть. В условиях тропиков, чтоб перевести дыхание двигателей, нужен чувствительный интервал: вода за бортом – 32. Двигатель после ревизии должен быть опробован и прочувствован на ходовых испытаниях. Но все равно потом на переходе Мао, дедушка, будет чутко прислушиваться к ритмичности ударов винтов. Сквозь собственную мерцательную аритмию и тахикардию. Поднимется среди ночи, спустится через восемь палуб в «подвал» пощупать крышки горшков-цилиндров. И встретит там второго механика Бурмилу, который тоже колобродничает и щупает. На старых пароходах по инструкции механик должен был на вахте прикасаться к рискованно ворочающемуся шатуну. И успеть отдернуть руку. Пока она есть. Раньше так учили. Наверяд ли хирург ночью лапает пациента под капельницей.

В машине уже все на товсь: циклопический инструмент, рожковые ключи, съемники, «пауки» из тросов с гаками топорщатся по-животному, треноги, щупы в ассортименте, мешки ветоши затаились, как белухи. Головы перемотаны по-пиратски сеточками с мелкой ячейкой. Каску напялил только второй электромеханик Николайчик. Николайчик опутал пространство лампочками-переносками. С запасом. Если какая откажет, ее не станут ковырять, а переключатся на годную. Так на стадионе Маракана боковой судья не требует вернуть мяч с трибуны, а вбрасывают новые. Правда, Николайчик спросит:

– Почему лампочка гавкнулась?

– А ты спроси у лампочки, – футболят хмуро.

Бурмила подгоняет кран-балку и опробует с удовольствием. Раньше уродовались таями, но все-таки пароходство раскошело на катерпиллеровский кран, так проворнее. Говорят, на «сухарях-универсалах» до сих пор в машине «лягушками» горшки ворочают, первобытно цепями вирают, а у них кран – прогресс. Они на виду.

Главный механик Мао, в белой тропической форме, погоны с тремя петлицами и галуном, гольфы с дурацкими помпонами, стоит на верхней галерее, наблюдает. Возле дедушки пластиковая бочка испанского вина. На двести литров. Для восстановления сил.

Мао вздыхает и вручает с сожалением четвертому механику Каларашу набор хром-ванадиевых ключей, единственный на пароходе.

– Сдашь по описи! – предупреждает.

Дед нацелился к пенсии инструмент списать и, конечно, присвоить. По описи, но не по совести.

Начинают с мелочевки. Четвертый механик Калараш с рембригадой развинчивают спрут трубопроводов приговоренного к ремонту горшка. Горшок грелся и ждет облегчения. Сегодня его очередь. Трубы с приборами и гайками складывают в безобразную кучу. Как ни странно, потом все найдут. Причем быстро. И термометры с ртутью не кокнут. А если по коробкам фасовать, перессорятся. И ртуть расплещут на деку. Загадка.

Форсунщик Дармограй, когда крутит гайки, кривляется, корчит рожи, но его не подначивают. Котельный машинист Вася, в обиходе кузнец Вакула, высовывает язык, как собака, и ответственно шмыгает носом.

Отдают гайки на крышке, их 24 штуки – комплект. Гайка размером с детскую голову, клейменная, номер соответствует номеру шпильки. Ключ тянут рычагом три старших моториста. «Раскидали». Крышку сорвали, из цилиндра столб пара с дымком, как из преисподней. Моторист со стажем Жижя бережно, как снаряд при разминировании, опускает крышку на измочаленные тяжестями сосновые шпалы. Лица у всех сосредоточенные.

Бурмила подробно исследует паронитовые прокладки. Иссушенные горячей работой, они окаменели. Выжатые не выбрасывает, а нанизывает на крючок. Для отчета. Вирует крышку цилиндра и принюхивается к запаху горячего масла.

Работают с технологическими перекурами. На перекурах не курят, ждут следующей операции. Сейчас замерли, момент ответственный – ревизия втулки с подпоршневым хозяйством. Сутки не спали, мантулили, только присаживаются на корточки. В высоком машинном зале тишина. Как в костеле после службы. Правда, под пойолами назойливо сидит руладами пар.

Повара принесли обед прямо в машину. На восемнадцать с половиной желудков, кузнец Вакула – гастритчик, ему только первое, на второе но-шпа. Окрошку и плов с черносливом, пахнет

забористо, но к еде никто не притронулся. Калараш спускается в парящий еще цилиндр.

Замеряет диаметр в нужных контрольных точках штихмасом, голенастым уродливым штангелем.

Мао требовательно свистит в штурманский свисток.

– Сколько? – спрашивает в матюкальник и хмурится.

Вытягивают шеи. Калараша вытаскивают за руки из колодца, и он несет дедушке картонку-подставку от пива «Карлсберг» с каракулями. На шее его пружинит чугунное кольцо цилиндра, которое он выковырял из ручья. С кольцом Калараш похож на коня. Ему суют нитяную ветошь, он вытирает кольцо, как официант приборы, лицо не вытер, и предъявляет деду каракули. Тот хмурится мохнатее.

– А нагар? – донимает.

Жижа снимает говнодавы, чтобы не поцарапать зеркальные стенки цилиндра, переобувается в войлочные покойницкие тапочки, и его спускают в цилиндр. Суют жужжалку «обезьянку», он напяливает защитные очки, респиратор и становится похожим на насекомое. В нутре пронзительно жужжит, Жижа очищает кокс с выхлопных окон, из колодца веером летят искры. Трубно чихает в респираторе. Морщины у него почернели, как у шахтера. Пожарный матрос бережно обнимает углекислотный огнетушитель. Как младенца. Изображая готовность. Подали финишную обезьянку с «нулевой», самой нежной наждачкой. Из цилиндра вырывается шлейф мелкой огненной пыли, шлейф колышется вентилятором. Жижа шлифует стенки. До зеркальности. Замеряет. Главное – не переборщить. Вытирает камеру цилиндра стерильной байкой из упаковки. В нее же и чихает. Вентилятором протянуло. Мао сползает на больной ноге по трапу к колодцу цилиндра, напяливает выдавшие виды рабочие очки, заглядывает, никому не доверяет – момент тревожный.

– Сколько допуск? – спрашивает.

– Допуск смерил, Гуца? – усиливает задачу для Жижи подхалим Калараш.

Жижа «ловит микроны», трубно мычит сквозь респиратор. Непонятно... Потом вежливо снимает намордник, обильно дышит на стенку, показательно вытирает испарину байкой из упаковки.

Мао придирчиво видит отражение своих очков на веревочке, себя искаженным, как в комнате смеха парка Шевченко. Наколотый на колене товарищ Сталин тоже макаронно растянут. Глаза у Сталина раскосые, как на китайских марках. Но зеркальность достигла прозрачности.

Дед уходит от карикатурного отражения товарища Сталина.

– А заусенец, Калараш? – встречает Бурмила. Заусенец у Бурмилы исключительно мужского рода. Как и пластмасс.

Жижя передает из колодца лепешку нагара, и ее несут в жестяной кружке. Деликатесно. Для анализа.

Кукам (правильнее «кук», а не «кок») наскучило стоять огородными пугалами над судками.

– Принесете посуду в «Ласковый май»! – требовательно напоминает шеф-повар в пространство.

Не обещают. Как мухе. Судки, конечно, не принесут.

Кран тащит поршень с шатуном длиной четыре метра. Ночной прилив глубже валяет пароход на зыби. Три тонны груза болтает над головами. Моточистку положено делать, когда судно прочно привязалось к берегу, и кренометр на нуле. Но к единственному на острове половинчатому горе-причалу лайнер не поставили – на острове революшн! И темно... «Ночь темна, и буш шумит тревожно...» С началом беспорядков губернатор, подполковник, уехал с денщиком в Лондон – только и всего. Англичане из Британского Содружества наций перестали снабжать остров мазутом, и электростанция отдыхает. Бомбят дачи. Расписание не изменишь, революция в темную явно не по расписанию. Приходится уродоваться. Некоторые умники еще подначивают. Итальянский дедушка вкручивал Мао, что такую работу три румына делали за восемь часов. Бульбометы!

Двое упираются на растяжках, руки дрожат, ноги дрожат, двухтонная балда барражирует над головами. К ним бросаются подсобить. Теперь мотает всю гроздь помощников. Рискованная операция выглядит, как стыковка космических кораблей в ручном режиме. Чуть прогавил, упустил момент – и цугцванг. Попали, наживили!

Теперь задача угнездить двухтонную крышку.

Крышка на штатном посадочном месте. Из общей кучи споро извлекают пудовые гайки. Хватило, ничего не потеряли.

– И-и-и раз! И-и-и два!

Обжимают. Рычагом для ключа труба на два дюйма. Тянут три тянущика. Бурмила сам впрягся, не доверяет.

– И-и раз! И-и раз! – командует Бурмила. – Хорош!

Бурмила дозирует предельное усилие на ощупь. Как учили. Чтоб не переборщить и не перекосить крышку. Так он считает, хотя перекосить невозможно. Рембригада наблюдает за обжимом, как в первый раз. Или в последний.

На верхние решетки крадется Моня, камышовый кот размером с овчарку. Николайчик выменял зверя на две лампочки у негров в Того. Думали, Моня учуял крошку, а он нацелился к помпонам дедушки.

– Уберите котяру! – Мао свистит по-милицейски и сам принохивается к крошке. Кота шуганули веником-голяком, и Моня, вальяжно виляя пушистым задом, удалился в сепараторную. Сам не знает, зачем.

Наверху чмокает подсосанная воздухом выпуклая дверь, как на подводной лодке, и по крутому трапу стекает толпа пришельцев реликтового возраста. Глупо с опаской улыбаются. Люди свободного времени. И свободных ушей. На которые грех не повесить лапшу. Никто даже головы не повернул. Один Мао изобразил проворство, метнулся подать ручку старухе и скорчился от боли, резануло в колене – артрит. Ядвига Филипповна, руководитель и владелец парижской туркомпании, член политбюро компартии Франции, эстафетно «споймала» бабушку.

– Мы их не ждали, но они уже пришли, – пробурчал в нос Николайчик.

– Извините, что некстати! – говорит Ядя. Экскурсии в машину всегда некстати. Ядя с одесскими корнями, говорит и ругается по-русски, курит ленинградский «Беломор» фабрики Урицкого.

Ночью катер привез из Барбадоса новую порцию пассажиров. Немолодое пополнение. Согласно контракту, турфирма обязана провести с новобранцами экскурсию по пароходу. Включая машину и мост.

Один ковыляет по дырчатым ступенькам на костылях, отстал. При операции на открытом сердце экскурсий не проводят. Чтобы зевакам не стало хорошо. А здесь обломилось.

– Что-то случилось? – участливо спросили «сеньоры-пэссэнджоры». – Авария? Есть опасность?

Опасность всегда дышит в затылок. Пялятся на вскрытие с содроганием, не притерпелись.

– Только не надо бычиться! – Ядя одергивает моторменов по-свойски. – Это – ваши деньги. И мои. Экскурсия в машину оплачена, согласно контракту.

Ядя опасается, что Мао начнет изъясняться на самобытном английском.

– Обычная плановая регламентная профилактика! – выпаливает Мао заранее выученное и затравленно улыбается.

– Bravo! Bravo, мистер чиф-инженер!

Аплодируют, как ненормальные.

Мао открывает крышку карманного хронометра. Цепь карманного прибора едва уступает цепи тельфера. Хронометр – испытанный намек.

– Извините, у нас регламент по времени, – дает окорот гостям Ядя. – Чтобы лайнер отошел минута в минуту.

Как поезд при товарище Кагановиче. Экскурсия в машину продолжится уже на пароходе. Когда медам и месье будет удобно. Почему-то кажется, что второй раз им ломиться в машинное нутро наскучит.

Пока наводили на Мао «Никоны», успели заметить наклочку товарища Сталина на колене. Хорошо, на профиль товарища Лени на Мао напялил эластичную повязку – артрит. Или артроз. А то на живой галерее могли тормознуться.

На шум из сепараторной показал усы афронеамериканский кот Моня, переключились на него.

– Это Моня третьего инженера мистера Николайчика, – нашла Ядвига.

– А что у него с глазиком?

– Я его таким приобрел в Того, – Николайчик тушует.

– Когда Моня находит на палубе каюты рассыпанную господином Николайчиком мелочь, он монетки складывает в ботинок хозяина, – сообщает Ядя.

– Месье, ура! – аплодисменты с овациями. – Bravo! Нельсон!
Николайчик раскланялся. Как дрессировщик в цирке. И унес кота.

– Мадам Ядвига, я из общества декоративных птиц, – встряла какая-то ученая птица в очках...

– Здесь не ассамблея! – перебил орнитологиню мужик свободного времени, но в силе. Рабочая косточка. Может, в Бирмингеме горбатился на сталепрокатном. На футболке череп и призыв «Kill the Negro!». Приехал размяться. На остров, где население темнокожее. На 200 процентов, в Вест-Индии они темнее.

– А нельзя поучтивее? – одернули дамы свободных ушей.

– Ну, Фрэд, возьми себя в руки, – умоляет ухаря женка. – Сорри! Успокойся!

Обычно такие бойцы успокаиваются, когда доводят до кондратия. Сначала жену, потом себя. По обстоятельствам.

– Что, не видите, парни заморились донельзя? – развивает базар гроза негров.

– Господа, команда работает здесь уже двое суток, – напоминает Ядя. – Без перерывов. Даже на обед.

Ядя выманивает выводок из машины, но они не спешат, плятятся очарованно.

Кот делает хвостиком публике вуаля с верхних решеток и карабкается по трапу. Делать мину.

Пока продолжалось цирковое представление, где дедушка был белым клоуном, успели поставить крышку.

– Инструмент проверили? – капризничает Мао. – А где ручник?

Ищут нехотя «ручник», молоток с удлиненной ручкой. И не находят.

– Искать ручник! – цедит дед. И дует в свисток. От догадки закрыл глаза. А когда открыл, заметили, что белки у Мао пожелтели.

– От, Соловей-разбойник на нашу голову! – ворчат сквозь зубы. – Свистнешь в ..., запоешь соловьем!

Ищут где попало. Подхалим Калараш угодливо заглядывает под плиты. Чтоб утихомирить Соловья, приносят три залапанных ручника. Все ручники именные, из частных коллекций.

– А где номерной ручник из рипэя-комплекта? – взвывается Мао.

Каждого обжигает страшная догадка. Но молчат. «Не хватало, чтобы молоток оставили в цилиндре, – кумекает Мао. – Или респиратор. Не дай бог! – аритмия скачет к горлу, мерцает и клочечет. – Ведь случается, что сразу два цилиндра вскрывают. Или даже три. Три операции на энергетическом сердце параллельно! В состоянии опьянения. И ничего, ручки не теряют. Или шейки коленвала задрались. Врагу не пожелаю!»

В памяти хрестоматийные аварии, угодившие в приказы по пароходству. Когда забывали инструмент в цилиндре. Это – взрыв, пожар! Забыть ручник в цилиндре – падение. Как, скажем, советскому моряку приехать к борту на человеке, на рикше. Дед когда-то сам был рикшей, подвозил кочегарам кардиф к топкам из угольной ямы на тележке-«рикше».

Мао набычился, его обходят стороной. Обыскались.

– Вскрывают горшок! – дед хотел свистнуть, но нет свистка.

– Совсем сказился! – негромко ворчит Калараш. – Не успеем к отходу...

– А куда ты денешься! – говорит Бурмила. – Не сможешь – поможем, не хочешь – заставим!

Расхожая формулировка обрыдла Каларашу еще с армии. Но здесь же не армия!

– Раскидать двигатель! – дед неумолим. Он побледнел, обронил таблетку и нашел свисток.

И вот тогда Бурмила извлекает из рваной торбы искомый ручник, номерной. Как фокусник в цирке. И предъясляет выжженный Вакулой номер на ручке.

Когда крутанули валоповороткой, причастились испанским бочковым. От усталости даже не порывались полироваться. И эйфории не было, какой к черту триумф, обычное артельное согласие. В рабочем порядке.

– Шмурдяк – он и в Вест-Индии шмурдяк, – заключает Жижа. – Овидиопольское каберне плотнее.

– Чем элитное испанское «Бальтазар».

– Каберне терпкое.

– Потому что с семечками душат.

– По мне так лучше стакан ингулецкого, чем этот мочегон, – рассуждает Дармограй. И подливает.

Бренчат инструментарием. Заслуженно небрежно. Собирают тоже в кучу, кучу пеленают в замасленную простыню.

– А почему сразу три ручника? – примахивается Мао к Бурмиле.

Бурмила одаривает Мао взглядом поверх очков, как умалишенного.

– Каждый старается пользоваться своим личным ручником, – объясняет без очереди форсунщик Дармограй, он же и кладовщик.

– Работайте только аварийными ключами и ручниками с номерами! – взвинчивается Мао. – Есть же казенный комплект, вот им и пользуйте! – и запирает маленьким ключиком ящик с ванадиевыми чудесами-цацками. Который потом умыкнет. Традиция! Не работать и даже не хвастаться. Любоваться.

Мао поднимает замызганный ведерный чайник с надписью «Дизельное» и по кочегарской привычке с расстояния вытянутой руки пускает струю в рот, показывая зубы из желтого металла. Так описывают бесхозные трупы в милицейских протоколах.

– А где нашли ручник? – продолжает примахиваться Мао.

– Бурмила, тю, Иувенальевич, нашел...

– Где? – дотошничает Мао.

– В сепараторной.

– Это тот самый ручник?

– На нем же номер...

– Что, трудно набить номер? – дед даже своему корефану Бурмиле не доверяет. – Только не на той рукоятке, она расщепилась. Таким инструментом можно нанести травму. Или увечье.

– Знатное топорище с акации, – рассуждает Бурмила. – Акация вязкая и волокнистая. У меня на даче добрая акация растет... Я ее поливаю.

Оригинально. Поливает, выращивает крепкое топорище... Или крепкий крест.

– Я из черного дерева сделаю, – протестует против занудства Калараш. – В кругосветке запасаю.

– Где? – уточняет Бурмила.

– Не у вас на даче, конечно. В Сурабайе. Сурабайя – лесной порт, там дрова из черного дерева у борта плавают.

– Что ты гонишь? Черное дерево тонет.

– Вот пойдете на пенсию, будете из акации рукоятки делать и ездить на троллейбусе за четыре копейки на работу.

Калараш применил запрещенный болевой выпад. Бурмила с двенадцати лет на всем готовом. С того момента, когда на него надели в школе юнг тельняшку с длинными-предлинными, как морские дороги, рукавами. Бескозырки детского размера не нашлось, и напялили берет. Возраст юнгачей «гулял», одни еще писались, а другие наладились в общежитие суконной фабрики. К ткачихам. Пятьдесят два года его обеспечивали работой инспекторы отдела кадров. Бурмила очень дорожит тем, что дорога от каюты до машинной шахты четыре метра, и панически боится перемен. Вот вирать на неисправных таях циклопический шатун – это как здрастье, а от троллейбусных перспектив хмурится.

– Ты шестой сепаратор перебрал? – затевает реванш Бурмила.

– Я новые диски уже в кладовой получил, по-жеребьячьи отлягивается Калараш. – Там работы на пару часов.

– Не говори «гоп», пока не переехал Чоп!

К дремучей мантре Бурмилы привыкли, она не смешит и не мобилизует.

– А когда у нас следующая моточистка? – бормочет для себя Мао.

– Мы еще от этой не сдыхались, – огрызаются сдержанно.

Мао углубился в расписание круизов. «Пятый «горшок» греется, – думает. – Дотянем?»

– А куда пойдём?

– По островах тынутся. Они уже как в жопе карандаш...

– Моточистка в Санта-Доминго, – объявляет Николайчик. – Гаити.

– Тю-ю-у...

Тынутся они будут среди мифов и кошмаров Бермудского треугольника. Девятерым из восемнадцати через пару часов на ходовую вахту. К горшку прислушиваться и приноживаться Бурмила будет уже в открытом океане, в треугольнике небылиц и предположений.

– Позови Бурмейстера унд Вайна! – кричит Николайчик Каларашу. – Зовут!

Если во множественном числе, то значит, к Мао на раздолбон. Теперь отвертку будут искать. Отвертка «заныкалась».

Пароход вздрагивает, толкнуло, рычажок жестко отозвался сдачей на толчок. Крякнули кранцы. Кто-то ошвартовался. Что ошвартовалось, виковская мотопирога? По палубе катят тяжелое, тиковый брус клавишно отзывается. Задрали головы по-кошачьи, прислушиваются, головы поворачивают к источнику звука, знают. Боцман Катеринка «котит» презент революционному королю, бочку ядреных свинцовых белил. Король до пояса обнажен, но в очках, Николайчик видел. На голове султан из перьев какаду. Говорят, Сорбонну кончал. Революционные власти причапали за халявой.

В борт хлестко шлепнула отбойная волна. На деке жирно чвакают стоки, кажется, наружная волна-блудница проникла в нутро и мечется под рифлеными пойолами, иссякая в колодцах-грязевиках. Куда ты, дуреха? Зачем тебе *это*? Тебе бы причесать гребешок в прибрежных мангровых лесах и перелесках. Как раз прилив, и ветер убился.

